

Марк ХАРИТОНОВ

/ Москва /

РОБИНЗОНЫ БЕТОННОГО ГОРОДА

1

Робинзоны бетонного города, почесываясь, встают,
Чистят зубы, воспроизводят привычные ритуалы.
Шум в застенной трубе — кто-то спускает воду,
Оставаясь невидимым. Запах кофе с чужих островов
Отзывается на языке выделением слюны.

Потрутся одежками в лифте, не замечая друг друга.
У подъезда зеваки. Выносят тело под простыней.
«Кто такая?» — «Бог знает». — «Никого у нее не осталось».
«Подбирала кошек, собак». — «Кто бы смог с такой жить?»
«Думали, вонь от них». — «Догадались взломать дверь».

Робинзоны в автобусной тесноте, на сиденье автомобиля,
За рядами компьютеров в офисе, за столиками кафе,
Или сдвинув скамейки в сквере — проще всего общаться,
Не зная имен друг друга. На газете хвост воблы,
Пойманной в ближних водах, банка пива в руке.

Вечером возвращаются все туда же, включают свет.
Огни размечают пространство бетонного архипелага,
Растворяя в себе подробности. Отражение лампы
Двоится в стекле, темноты сквозь него не увидеть,
Не убедиться в существовании собственного лица.

Лучше, не выходя за порог, включить компьютер или ТВ.
Жизнь всюду, в общем, та же, можно войти в другую,
Где бушуют звездные войны, фигуры машут мечами
Или гоняют по полю мяч, дожидаться, кому забьют,
Вскрикивать, переживать — чувствовать, что живешь.

2

Одиночество порознь, одиночество в общей постели
 Равномерные ласки без слов. Тело живет по привычке.
 Через плечо на потолке различимы сырые разводы.
 Протекло от соседей сверху. Не обойтись без ремонта.
 Опять они скажут: не мы. Кровать перестала скрипеть.
 Тяжесть свалилась рядом. Получилось бы в этот раз.

3

Проснулся или еще во сне: темнота шевелится, живая,
 Подступают тени, пугают. Ничего не узнать, не понять.
 Открыты глаза или нет? Где все? Где мама? Где папа?
 Он бы начал сейчас стыдиться: не дрожи, чего тут бояться?
 А сам куда-то исчез. В командировку, сказала мама.
 Но ты уже знаешь: не вернется, ушел насовсем.

Беззвучная белая вспышка, кто-то, скалясь, глянул в окно.
 Высветился квадрат... погас... страшная чернота
 Без ничего, дыра, через нее все может уйти,
 Уже уходит, уйдет, в пустоту, чтоб никогда не вернуться,
 Как не вернется папа, не вернется время в часах,
 Ничего не останется, кончится, вот как это бывает...

Вздохнула, дрогнула дверь. Ты где? Куда ты залез?
 Да что же это с тобой? Уткнуться лицом, головой
 В голос, запах, в спасительное родное тепло.

4

Заблудился, застрял в неживом, непролазном, мохнатом,
 Непостижимая сила перенесла, не заметив, стряхнула
 В пространство без памятных запахов, ориентиров,
 Главное, без таких же, как ты. Ползай туда, сюда,
 Обследуй щели, углы, посылай сигналы тревоги,
 Сквозь бетон ничего не доходит — далеко, высоко занесло.

С другими, среди своих, ты жил не сам по себе,
 Был частицей единого существа, где назначение каждой
 От рождения определено, как направление жизни,
 О котором не спрашивают, выходя на рассвете с другими
 За пищей, строительным материалом. Усиками на ходу
 Соприкоснетесь, обменяетесь знанием, нужным зарядом.

Оказался один, заблудился в опустевшем вдруг мире,
 Где не от кого узнать, что делать, куда, для чего идти.
 Нет отдельного направления, смысла, энергия отключилась,

Угасает без встречи, подпитки, вот-вот иссякнет совсем,
 Если не сумеешь вернуться, найти, соединиться с другими,
 Чтоб ощутить себя вновь, как когда-то, живым.

5

Общежития Робинзонов, совокупления
 На соседних кроватях, некуда отвернуться.
 Теснота коммунальной кухни, запахи нараспашку,
 Все всё знают про всех. В казарме, в тюрьме
 Привыкаешь даже нужду справлять, не таясь.
 Чего тут стыдиться, скрывать, все такие, как ты.

Среди таких же, как ты — вот где почувствуешь жизнь,
 В дворовой кодле, в строю, если поймаетшь ритм,
 (Эстетика шага в ногу, слитность, радость единства)
 Для кого-то в составе команды, для кого-то среди фанатов
 На стадионе, на площади — эйфория, восторженный вой.

Беда, если кто-то заметит: а ты почему не кричишь?
 Разеваешь притворно рот, а пар-то, смотри, не идет.
 Ты вообще за кого? Как это ни за кого? Сам по себе?
 Не наш — вот оно что. Научился бы хоть притворяться!
 Раскусят, пошлют отмывать вне очереди галюнь,
 Да еще наложат на доски возле очка. Непросто остаться собою,
 Жить посреди дерьма, не став при этом дерьмом.

6

Одиночество в одиночке — наказание в квадрате.
 Вслух говорить с собой — что с клопом на стене,
 Что головой о стену. Голос становится эхом,
 В котором себя не узнаешь. Кто-то сходит с ума,
 Кто-то использует срок, чтобы не отвлекаясь,
 Принадлежит только себе, вслушаться без помех,
 Как напрягается мысль, различим становится голос,
 Обращенный к способному слышать.
 Нашлось бы, на чем записать.

Апостольское послание, чтоб не осталось сомнений,
 В кого и как правильно верить, не страшась притеснений.
 Проект идеального Города, продуманный до мелочей,
 Где каждый свободен в деле, к которому предрасположен,
 Но жизненный путь, выбор пары, кому от кого понести,
 Как одеваться, любить, определяют еще при рождении,
 Сверяясь с расположением звезд, ученые знатоки,
 Интеллектуалы, аристократы, называй их, как хочешь,
 Первые среди равных.

В одиночках рождались идеи межпланетных полетов,
 (Чертежи практического двигателя, расчет траекторий.)
 При достаточно долгом сроке уточняются представления
 О пространстве и времени. Поддельная хронология,
 Которой дурили нас прежде, заменяется настоящей.
 Не остается сомнений, что Вселенная многослойна,
 Мир, в котором мы обитаем — по сути лишь перекресток
 Других измерений, миров. Можно проникнуть в каждый,
 Если откроешь их имена.

7

Нет предела духовному подвигу. Мало было поста и молитвы —
 Тело изнурено, загноилось, черви пресыщены в язвах,
 Падают, отяжелев, он их возвращает: ешьте, что Бог послал.
 Долго с таким не выдержать, смрад невозможно терпеть.
 Монахи взмолились игумену: скажи ему, пусть уходит,
 Пришлось покинуть обитель. Отыскал укромное место,
 Чтобы днем и ночью молиться наедине с небесами,
 Не сходя с высокого камня. Но утаишься ли от людей?
 Разносились по миру молва о способном творить чудеса,
 Стали стекаться к камню, просили об исцелении,
 Тянулись к краю одежды. Столп между тем
 Вырастал все выше и выше, ушел в облака,
 Святой стал невидим — но чудеса продолжались.

8

Одиночество на вершине, в башне из чьих-то костей.
 Декадентское воображение, могли бы придумать практичней.
 В мраморной, впрочем, было бы холодней.
 Материал не существен. В хижине ли, в каморке,
 В квартире все равно на каком этаже,
 В загородном особняке за высокой оградой,
 На калитке табличка: «Просьба не беспокоить».
 Это, впрочем, излишне. Телефон незачем отключать,
 Никто и так не звонит. С кем прежде мог говорить,
 Тех не осталось, с другими нет общего языка.
 Не совпадает настройка умов. опередил свое время —
 Или, может, отстал?

9

Тема симпозиума: общение во времена интернета.
 Можно, и не встречаясь, видеть, слышать друг друга.
 Не хватает разве что запахов. Каждый связан со всеми.
 Невыносимы неспособные выносить сами себя.

Бродят в чужих сетях, проникают в чужую жизнь,
 Не имея своей, подглядывают, смакуют
 В надежде найти себя — или уйти от себя?
 Называют любовью страх одиночества.

10

Звонок по ошибке. Набрала неправильный номер.
 Не кладите, пожалуйста, трубку. Вы слышите музыку?
 Не у вас? Но вы слышите тоже? Пожалуйста, не кладите...
 Наверное, это слышать можно только вдвоем.

Нет, не в трубке — зазвучал сам воздух вокруг,
 Все явственней, все беспокойней. Музыка встречи,
 Которая не бывает случайной. Вдруг пробудился, очнулся,
 Как будто прежде не жил, не знал, что такое бывает.